

МРАДУНИ

& АВАНГАРД

№2

Коллектив авторов Традиции & авангард. Выпуск № 2

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45558407
Традиции и авангард. Выпуск № 2: Интернациональный Союз
писателей; Москва; 1019
ISBN 978-5-00153-052-7*

Аннотация

К читателям пришел второй номер журнала «ТРАДИЦИИ & АВАНГАРД». Еще один срез современной литературы разных стилей, родов и жанров. Еще одна грань. Еще один выпуск журнала – хочется верить, что далеко не последний. В журнале представлены крупная и малая проза, поэзия, драматургия, а также публицистика. Картина современного литературного процесса получилась яркая и подробная. Ее можно изучать, а можно и просто читать и радоваться, что литература развивается, меняется, то есть живет – потому что она воистину бессмертна.

Содержание

Предисловие	5
Роман Сенчин. Второй блин	5
Проза, поэзия	7
Денис Гуцко	7
Он и Ева	9
Елена Пестерева	24
Терапевт	25
1	25
2	26
3	28
4	29
5	30
6	31
Евгения Некрасова	35
Маковые братья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Традиции и авангард.

Выпуск № 2

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Предисловие

Роман Сенчин. Второй блин

Журнал «Традиции & Авангард» продолжается. Первый номер увидел свет в марте этого года, потом был процесс получения лицензии, решение других организационных вопросов, и можно надеяться, что в будущем году выпуск станет регулярным – по одному номеру в квартал. А там, бог даст...

Первый номер – пресловутый «первый блин» – нельзя считать комом. Хотя откликов на него появилось очень мало. Но это можно объяснить вообще падением интереса к периодическим литературным изданиям – целые номера центральных, ведущих журналов проходят без всякого внимания со стороны литобозревателей и критиков. Новичку же обратить на себя внимание – дело очень сложное.

Мы не хотим привлекать внимание скандалами, манифестами. Наше дело – пытаться знакомить читателя с произведениями современной русской литературы, теми авторами, что нам интересны и важны, но в основном, к сожалению, не очень-то популярны. И надеяться на то, что они окажутся интересными и важными для других.

В этом номере – продолжение жесткого, тяжелого, но аб-

солютно достоверного по восприятию романа Полины Жеребцовой «45-я параллель», который, кстати сказать, был номинирован на несколько литературных премий; новая проза Дениса Гуцко, Евгении Некрасовой, Валерия Петкова, стихотворения Елены Пестеревой, Кирилла Азёрного, Жанны Германович, неожиданный опыт реалиста Сергея Кузнечихина, художественный очерк Андрея Рубанова, обзор публикаций в толстых журналах Николая Палубнева... Всё перечислять в своем предисловии не буду. Читайте наш «второй блин»!

Проза, поэзия

Денис Гуцко

Денис Гуцко родился в 1969 году в Тбилиси, где окончил среднюю школу. В 1987 году поступил на геолого-географический факультет Ростовского университета по специальности «экология и прикладная геохимия». Служил в Советской Армии, солдатом-срочником участвовал в урегулировании армяно-азербайджанского конфликта. После распада

СССР несколько лет практически был человеком без гражданства.

Дебютировал в прозе в 2002 году повестью «Апсны абукет». Автор нескольких романов, ряда повестей и рассказов, в том числе «Там, при реках Вавилона», «Сороковины», «Бета-самец», «Машкин Бог».

Лауреат премий имени Шолохова, Бориса Соколова, «Букер – Открытая Россия», Международной открытой литературной премии «Куликово Поле» в номинации «публицистика». Живет в Ростове-на-Дону.

Он и Ева

Рассказ

Пока приходили в себя, подсчитал: эта встреча – девятая. Всего лишь девятая. Восемь плюс одна после шестилетнего перерыва. Такая вот нелепая арифметика. До сих пор не задумывался, но вдруг подсчитал и удивился. Проживаешь с женщиной целую жизнь, а при сверке оказывается – девять встреч. Обман чувств. Величайшая любовь его жизни (сейчас, когда, отвалившись от него на растерзанной простыне, Ева потягивается и урчит, как счастливая кошка, а по его бокам ползут ручейки горячего пота, дозволен любой, самый надрывный пафос), его любовь уложилась в девять встреч. Восемь плюс одна – ещё не оконченная, но осталось недолго. Похоже, он заряжен до утра. Но Ева после дежурства – не

получилось найти подмену. И её скоро сморит.

– Я знаю, многие из тех, кто живёт, как я, скажут, что на самом деле с удовольствием жили бы за мужчиной спиной, – говорит она, аккуратно выдув сигаретный дым в приоткрытое окно.

Говорит, будто продолжив давно начатый разговор, хотя затяжное молчание только что прервано и за весь день ни о чём таком не сказано было ни слова.

– Дескать, пусть бы он командовал, всё решал. Так вот, это не про меня. Я одна именно потому, что не хотела и не хочу командиров. Я сама, мне так проще.

Ни вслух не произнёс, ни про себя не додумал. Уклонялся как мог. Но Ева угадала. Зудело в нём и покусывало за нежные места изматывающее недоумение: «Почему мы не вместе?»

– Ты стала такой. – Он пожимает плечами.

Внешне – состоявшийся мужчина слегка за сорок, уверенный в себе и собою в целом довольный. Повторяющий мысленно снова и снова: «Господи! Ну как я мог её упустить?»

– Ты же не знаешь, какой бы ты была, если бы в твоей жизни случился другой мужчина, – и осёкся.

Между ними тяжело ложится недосказанное: собственно, он и мог стать этим самым другим мужчиной. Не стал. Случиться-то случился, но не состоялся.

Ясно же, она заговорила об этом, как раз чтобы упредить.

А он как в стену головой.

– Не парься, – улыбается Ева, выглядывая из-за штор. – Так лучше, как вышло.

Это у них запросто – отвечать на то, что не было произнесено. Будто два билингва перескакивают с одного языка на другой. И в каждом таком акте предельной близости «до» или «после» он переживает удовольствие не менее плотское, чем во время.

«Господи, прости меня за то, что упустил её!»

– Правда. Так лучше. – Ева вдавливая окурок в крышку от банки оливок. – Мы всё равно не смогли бы жить вместе.

– Аргументы?

– Во-первых, я несносная...

– Во-первых, ты лучше всех. И, во-вторых, не будем об этом, пожалуйста. Всё слишком очевидно. Давай перекусим.

Пока она надевала гостиничный халат, заметил красные паутинки у неё на ногах – лопнувшие капилляры. Улыбнулся грустно, продолжил выкладывать на журнальный столик магазинные закуски. Кольнуло, но не огорчение – дескать, Ева постарела. Шесть долгих лет (тех самых, в которые уложилась пауза их отдельной жизни – основной для каждого из них, как ни крути: все магистральные сюжеты – врозь), шесть окончательных и бесповоротных лет впустил в себя только что разом, одним ледяным глотком. И подумал рассеянно: «Вот кто мы друг другу?»

В который раз – всматриваясь и в себя, и в неё... и нет ответа. Простого и понятного – нет. Есть непростой и непонятный. Вылез сам собой и торчит загадочно, как древняя плита с полустёртыми рунами.

Съезжались по несколько раз в год в Москве – она из Питера, он из Ростова. «Еду в командировку. Встретимся?» Или она черканёт: «У меня в Москве симпозиум. Приедешь?» Раньше он влюблялся в других – стервозных или ярких, пробуждающих азарт издалека. И вдруг она – женщина с допотопным, отдающим цыганщиной именем. «Родители по молодости были очень экзальтированы. Альтернативный вариант был Эвридика. Как говорится, и на этом спасибо».

Командировочный роман, весьма пунктирный. Выросший из случайного командировочного секса на семинаре по эндоскопическому шунтированию.

За шестилетний перерыв она успела сойтись с мужем, официально с ним развестись и родить третьего сына – уже не от мужа. Много. Но Евы всегда было много. Не механически: говорит компактно, жесты экономит, одевается «лишь бы удобно и не глазели». Её много, как бывает много горизонта или высоты. Захватывает дух. Она несёт в себе такой аппетит к жизни – упрямый, искренний, что рядом с ней немедленно хочется тоже превратить свои будни в подвиг: устроиться на три работы, завести собаку-кошку-черепаху, нарожать детей, перечитывать Достоевского и разбираться в

русском рэпе, потому что старший подсел и нужно быть в теме. До поры до времени, пока не прозвучало в телефонной трубке ровно и спокойно: «Не смогу приехать. Я беременна. Не от тебя». Он любил в ней эту витальную избыточность отдельно, несколько со стороны, как любят таланты любовниц: «А моя-то ах какая...»

– Расскажу, если хочешь. Но тебе будет больно.

Он подумал и не захотел. «Отец её третьего сына» – пусть лучше так, наклеим на ранку эвфемизм. Меньше зацепок, меньше поводов задуматься. Не на пользу ему задумываться об этом другом. Слишком многое сходится в этой точке.

Он тоже развёлся. Не для того, чтобы быть с Евой. Она к тому времени уже родила, а он пребывал в безнадёжном ступоре: «Как? Даже не от мужа, был ещё кто-то?», который, казалось, расставил все точки. Пока однажды посреди посиделок при свечах с очаровательной улыбчивой Ритой, удачно обрётённой на сайте знакомств, не стукнуло в самое время, как бьёт, наверное, insult: «Никого не люблю после Евы».

А от Евы оставалась тогда лишь сбивчивая, то и дело сходявшая на нет переписка. «У нас, значит, эпистолярная дружба теперь? Что ж, не худший финал». Вспоминал её всё реже, но и забыть не получалось. В самых неожиданных, иногда категорически неуместных местах: «Это не Ева. Как с Евой уже не будет». И дальше валилось одно за другим: как она говорила с ним, запоем, – и от этого ему казалось, что он

после долгого отсутствия вернулся домой; как обнимала при встрече, утыкаясь в ключицу, как она отдавалась ему – никто и никогда, никто и никогда – всей кожей; казалось, вся насквозь – переживая, достаточно ли... шептала в самый разгар, улыбаясь и глядя прямо в глаза: «Нравится? Нравится?»

Вот из-за этих-то мучительно сладких непрошенных воспоминаний он и развёлся. Рядом с ними рушились любые попытки скрыть от самого себя, насколько Вика, жена, – чужая. Не то чтобы стала чужой – не стала такой, как Ева.

Потом... ничего, собственно, не случилось... просто всё остальное закончилось подчистую, и он решился увидеть то, на фоне чего всё остальное до сих пор копошилось: ни с кем не было так хорошо, как с ней, никто не был роднее. Написал ей, нарушив установившийся легковесный тон, не стал себя удерживать: «Как же я по тебе скучаю». И она отозвалась: «Может, ну её на фиг, дружбу по переписке? Давай-ка в Москву? Пошалим, коньяка попьем, в Третьяковку сходим».

– Столько всего хочется сказать, а слов подходящих нет, как обычно. – Собирается в душ, ищет тапочки. – Ты же знаешь, у меня со словами всегда так. Припаздывают слова.

«Лучше уж слова, – усмехнулся он про себя, разглядывая складки мятой простыни, собравшейся лучиками там, где она впивалась в неё руками. – Некоторые из присутствующих, расставшись с женщиной, понимают, что любят её навсегда. Вот это я понимаю припоздать».

– Может, вместе в душ, солнце?

– Нет-нет, мне там надо. – Вернулась в комнату из коридора, уже в тапочках, взяла с трюмо резинку для волос. – Я быстро.

Шагнула в сторону ванной, но вдруг передумала – повалила его на кровать. Целовала так хищно и жадно, что прикусила ему губу.

– Извини.

– Не останавливайся.

Он лежал, закрыв глаза и раскинув руки, вспоминая радость этих блаженных взрывов. Когда вот так – сама, пожирая, вжимаясь до боли. Когда не выживаешь из интонаций, не дорисовываешь – мясом чувствуешь, как она тебя хочет. «Ни с кем, ни с кем, ни с одной».

– Сильно? Покажи. Кровоточит?

– В самый раз.

– Извини, я... тоже очень соскучилась.

– Я, знаешь, пожалел, что согласился на Третьяковку.

Выпрямилась, скользнув пальцами по его животу. Уселась сверху и смотрит насмешливо.

– Чего это? Такой там Серов замечательный. И твой любимый Верещагин.

– Промаялся весь день. Какой, к бесам, Верещагин? Чуть не лопнул от либидо.

– Ох... И я. Раздразнил бедную женщину. То за плечо, то за бедро...

– Там ещё эти дети кругом, экскурсии. И эти...

Накрыла его рот своим.

– Эти, как их... блюстительницы... смотрительницы... бабушки...

Оторвалась, погладила его по щеке.

– Кто же знал, что мы так встретимся... так легко... А? Так же не бывает? Боялась. Думала, как всё будет, как он меня встретит. Поэтому и Третьяковка. Время потянуть.

– Конечно, не бывает.

Подумалось зачем-то в эту секунду, весьма витиевато: доведись погибать вдвоём в какой-нибудь катастрофе, он бы, пожалуй, держался героически... потому что – она ведь смотрит.

– Всё, я в душ.

Роман, конечно, пунктирный. Только сшил он суровой ниткой всю его нескладную жизнь.

Не развёлся бы, если бы не Ева. Если бы не было Евы. Да, не ради неё: жизнь совместная не предусматривалась ни в каком виде. Не обсуждалась.

Сначала с мужем сошлась: «Попробую ещё раз. Прости, Москвы у нас не будет». Потом развелась – осенью, а в декабре: «Я беременна. Не от тебя».

Теперь-то он всё себе высказал: «А ты думал, она как любимая книжка. Открыл, почитал и на полку до следующего раза».

Но тогда, в декабре, он притих и искал убежища в том, что

казалось самым крепким убежищем. Собрался быть трезвым и твёрдым. Дескать, этим всё сказано, кончен бал.

И – не кончилось ничего.

Но уже не сможет начаться.

Так, как стоило бы начать.

Пока он лежит, глядя в гостиничный потолок, в оглушительной вселенской пустоте с журчащим душем и сохнувшими на блюде оливками – в оглушительной вселенской пустоте, для которой только и существуют гостиничные номера, чистенькие и одинаковые контейнеры человеко-часов – пока он лежит, сорокалетний голый мужик под яркими лампами, ему не страшно сознаваться в том, что, возможно, чуть позже он попытается смягчить и раскрасить. Ева осталась. Но осталась так, как не остаётся то, что может быть твоим. Как речка подо льдом. Как пожар в терриконе. И самое плохое – он не знает, что с этим делать. Он не умеет.

– Говорила же, недолго. Это уже неизлечимо. Даже если можно сделать что-нибудь не спеша, потянуть... всё равно как солдат по тревоге.

Ложится рядом.

– Что же ты со мной сделал, Андрюша. До сих пор всё дрожит.

Когда брак с Викой, полный привычных неловкостей и умолчаний вроде отдельных друзей и отпусков, завершился – пока ещё только внутри, освобождая от последних при-

вязанностей, — оставаясь дома один, он безвольно слонялся по квартире. «Что это? Зачем?» Принюхивался, бывало: всё ему мерещились запахи посторонние; застывал перед открытыми дверцами шкафов, не сразу припоминая, где там что лежит. Возвращаясь же с парковки, невольно замедлял шаг: возвращение в ненастоящее настоящее требовало усилий. Усмехался желчно: пока изменял Зое с Евой, запросто перебегал из мира в мир, скользил вдохновенно и весело, как танцор по паркету, — а стоило закончиться забавам адюльтера, принялся давать жертву совести. Вспомнит при Вике про Еву — и покраснеет. И любая будничная семейная мелочь требовала теперь специальных напряжённых усилий. Будто на суде, где решается чья-то судьба, ему задан решающий вопрос, а он собрался лжесвидетельствовать.

Сарказм поначалу помогал, но, как водится, ненадолго.

Вика предпочла деловой подход: она всегда умела пройти по тонкому льду налегке, без эмоций.

— Квартиру будем делить?

Без жалких вступлений, на фуршете перед какой-то премьерой, подвинув к нему тарелку с канапе.

— Вот эти вкусные, с виноградинами. Там брю недурственный.

— Спасибо... Нет, квартира останется тебе. Я возьму ипотеку.

— Спасибо.

— Прости, что так...

– Ладно. С кем не бывает.

Он был благодарен ей за великодушную сдержанность. Но тем скорее от неё ушёл. Болтаться бесполезно промеж двух сильных женщин – таких разных, но одинаково умеющих обойтись без него – было невыносимо и глупо.

Восемь свиданий в гостиницах. И основательный брак, кропотливо выстроенный в обход всех острых углов, терпеливо обжитой, укреплённый взаимными уступками и точно выверенными компромиссами, умер.

– Только ни слова про любовь, ладно?

Лежали, разомлевшие, уткнувшись друг в друга – потрагивая, поглаживая, невозможно ведь остановиться сразу, отпустить краешек рая – и она сказала – так предупреждают о чём-то важном – голосом заранее тревожным: «Ни слова про любовь». Он кивнул – куда-то ей в плечо. И не сказал ни слова.

Потом она снова стояла у окна, разглядывая московские огни. Высокий этаж, видно далеко.

– Я это запомню, – обронила. – Этот вид из окон.

– Давай вместе, – ответил он и встал рядом.

И это всё. Он знает, почему сентименты – табу. У неё нет на это времени и жизненных соков. «Мне нельзя. Я должна быть стальной заводной собачкой. Утром завелась – побежала. Работа, ещё работа, дети. Вечером завод закончился. На автопилоте уроки, купание, обед на завтра, завела будильник, упала, уснула. Иначе я сломаюсь. Если позволю себе...

даже немного... Сломаюсь, мне нельзя». Отделение кардиологии, подработка в поликлинике через дорогу. Старший заканчивает первый курс, младший готовится в школу. «Знаешь, в этом есть свои плюсы. «Должна» как ответ сразу на всё. Чтобы не заморачиваться каждый раз отдельно. Игра облегчается, когда в запасе самый высокий козырь – я должна». Возможно, это письмо её немного задело. По крайней мере, он на это рассчитывал – без особой надежды вывести её из равновесия и подтолкнуть поближе к себе – скорее раздражаясь из-за неприступности её островной империи и позволяя себе выплеснуть раздражение. Она отреагировала коротко, в тот раз оставив недосказанное без ответа: «Наверное, так проще. Но я и не искала, как сложней».

Незаметно он и сам научился отсекать сантименты. Отстранённо вспоминал, как умел когда-то и, чего уж там, даже любил растравить душу – и ей, и себе. То ли повзрослел, то ли заново научился чувствовать. Ему понравилось.

В этом небиблейском раю имена сущему раздавались по новым правилам. Здешний Адам перенял у здешней Евы её манеру предусмотрительно избегать названия самого большого – такого, в чём может скрываться опасность.

– Почему я не пьянею? – Он качнул коньяк в толстостенном стакане. – Ну ладно ты. Сачкуешь, тянешь понемногу...

– Я иначе отрублюсь, Андрюш.

– Понимаю.

– Неделя была адская.

– Но я-то хлещу по-честному. И трезвый как стёклышко. Пациенты дарят тебе безалкогольный коньяк, Ева. Куда катится мир.

– Хороший коньяк, не выдумывай.

– Но почему я трезвый, доктор?

– Алкоголь, видимо, не успевает всосаться в кровь.

– Переходит в чистую энергию?

Потянулась всем телом, до хруста.

– Ага, переходит... Слушай, если будет следующий раз, давай сходим на каток? Если это будет зимой. – Уткнулась ему в плечо, и голос сразу сонный. – Мечтаю в парке Горького на катке покататься. Ты как, на коньках-то стоишь?

Он гладит её по голове, пропуская время от времени сквозь пальцы густые тяжёлые пряди.

– Ну как... Стою отлично. Ехать не могу.

– Жаль.

– Поучусь, раз такое дело. Для следующего раза.

– Хорошо бы. Хорошо бы, чтобы был следующий раз.

– Будет.

– Хорошо. И ещё хочу с тобой в театр. Представляешь?

Ты в костюме, я в вечернем платье.

– Да. Что-нибудь трагическое. Может быть, классика.

– Именно классика.

– А потом в номер и, не доходя до постели...

– Прекрасный план, просто замечательный.

А сама уже не открывает глаз и дышит размеренно.

– Потом вот так же, как сегодня, побудем счастливы часов пять; восемь, если ты будешь не после дежурства. И разведемся каждый в свою жизнь. С твоей всё понятно. Работа-дети-работа. Об остальном, если оно есть, мне лучше не знать. А мне ещё предстоит что-нибудь сочинить.

Она засыпает неслышно, будто выходит на цыпочках из детской, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Буду встречаться с другими. Искать... то, что обычно ищут в других. Не найду, конечно, – произносит каждое слово медленно, будто прислушиваясь, как оно звучит. – А потом... вдруг... это же всегда, наверное, вдруг – старость и... что там ещё бывает.

Осторожно, чтобы её не разбудить, поднялся с постели. Она всё-таки проснулась. Вдохнула в полусне, потянулась к нему рукой.

– Спи. Всё хорошо.

– Я бы чуть-чуть вздремнула.

– Спи.

– Ты разбуди меня.

Пока Ева спит, он разглядывает зыбкое отражение, растворившееся в огнях неугомонной Москвы. Всматривается, совмещает имеющиеся обстоятельства с картинкой. Вот он – стоит, прижав к губам костяшки пальцев. Вот его любимая женщина. Свернулась калачиком под толстым белым одеялом. Она спит тихо. Двойные стёкла надёжно отсекают шум

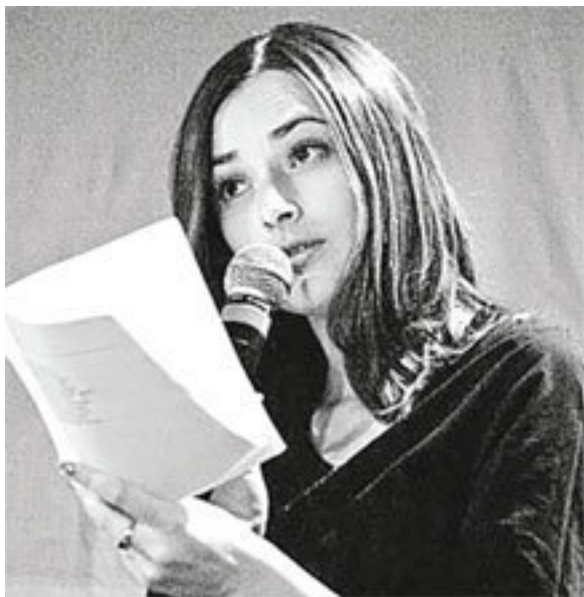
Кольцевой. Нечем разбавить тишину, нагрянувшую внутри. Коньяк не справляется, да и глупо было рассчитывать на коньяк. Он сам пришёл сюда, в её одинокое логово. «Я лучше сама». Пришёл, чтобы напомнить себе, каким могло бы быть счастье. В этом беспощадно тихом месте слышно всё. Слишком многое. Самое страшное – тоже. Она не досталась ему потому, что он слаб. Он слабее. Она была бы с ним, если бы он сумел предложить ей – навязать, чёрт возьми: «А дальше будет так» – другую жизнь, себя, своё счастье, которое, возможно, сумел бы сделать и её счастьем. Неважно, скрыто ли на самом деле в её решительном «я сама» хитрое женское ожидание быть переубеждённой – сломленной, завоёванной в доказательство того, что всё всерьёз. Потому что это не про него.

Скоро сработает будильник. Ей нужно на ранний поезд: с двух начинается приём в поликлинике.

Он ложится рядом, близко – так, чтобы вдыхать её дыхание. Осторожно касается волос.

– Ева, – шепчет он. – Ева, иди ко мне, Евочка. Я хочу ещё.

Елена Пестерева

Елена Пестерева родилась в 1980 году во Львове, живет в Москве. Окончила юридический факультет МГУ и аспирантуру Литературного института им. А. М. Горького. Литературный критик, поэт. Публиковалась в периодической печати, альманахах и коллективных сборниках. Автор книг стихов «Осока» (2007), «В мелких подробностях» (2018). Лауреат премии журнала «Октябрь» (2013).

Терапевт

1

Они приходят теперь,
Приносят с собой своих жен, детей, друзей,
свою боль, любовь, пустоту,
поклонников и покойников.

Я говорю: это что?

Они говорят: моя жизнь.

Я говорю: что мне делать с ней?

Они говорят: любить.

Я говорю: вы, простите, руку и сердце мне предлагаете?

Они говорят: нет.

Я кричу: что, черт подери, происходит?!

Первым встает хор мужских голосов и поет мне прекрасную лекцию о Слове, Деле и Поправке на Божественный Ветер. Говорит, я вообще не понял, а к чему тогда столько пафоса.

Вторым встает женский хор, говорит: Леночка, очень больно?

Я говорю: очень.

Говорю, у меня болит голова, радикулит и синдром застежки. Говорю, мне тяжело и мне непосильно.

Говорю, я их видеть уже не могу, закрываю глаза, засыпаю. Говорю, и я тоже не знаю, к чему было столько пафоса.

Терапевт говорит: да ну ты чего. Столько уже приняла – и тут вдруг непосильно. Гомофобов приняла и путинцев, борцов с Украиной приняла и ортодоксов, насильников приняла и педофилов, несовершеннолетних убийц приняла и фашистов, жестоких сыновей приняла и жестоких матерей. Да ну, маленькая моя, ну не может быть, чтобы ты сломалась на чужих неверных мужьях.

Говорю, я любить их не могу, у меня все болит. Я изгнать их не могу, у меня все болит. Ничего больше не могу, твою мать, да когда оно заживет?

Терапевт говорит: сострадай сколько сможешь, а как кончатся силы – не сострадай. Если что, ты ведь помнишь, да, что я рядом?

Бог редактирует текст.

Говорит: я рядом.

2

К несчастью, мой сын все еще считает, что несет ответственность за эмоциональный фон своей матери. Я опровергаю его тысячи раз, но у него есть глаза, и он видит, что мне плохо. Поэтому он говорит: давай я не пойду в школу и мы сходим в аквапарк.

Это не фон, а фронт. Я не то что в аквапарк, я толком

встать не могу. Но я вижу, что он извелся. И я говорю: давай.

Первым делом вхожу к кружевным тортилам в гидромас-
сажную их кастрюлю. И течение меня сносит. Но я жду, пока
вся растворюсь и растаю.

Часа через два я ложусь на камни хамама. Приходит мой
сын. Сидит. Встает. Говорит: я пошел.

Говорю: лягушонок, уверен, что тебе тепло?

Он говорит: да, я пошел.

Рядом маленькая девочка с огромным бородатым папой,
в тумане их почти не видно, она кричит: папа, папа, ну у ме-
ня горячая попа, горячие ноги, горячие руки, – взлет рук, –
горячее сердце – ну можно я уже пойду!!! Борода говорит:
посиди.

Точно так я разговариваю с богом.

Он говорит: посиди.

Потому что девочки просят благословения.

А мальчики говорят: ладно, я пошел.

Мне смешно, я смеюсь, борода тоже смеется, девчонка пу-
гается. Романтическая половина хамама неодобрительно на
нас глядит.

там где не мячик где она не плачет
качается на выгоревшем круге
где мамина высокая подача
и папина подача – прямо в руки

Через тысячу лет я говорю
Расскажи мне пожалуйста
Что в прошлый раз пошло не так
Я за тысячу лет не поняла
Я не верю что это и был лучший вариант
Я все время ищу ошибку и я не вижу
И он говорит если сможешь
то просто не бойся
Он говорит раньше я знал как надо
теперь не знаю
но если не прешь как танк
то движешься более адекватно
Я говорю был крошечный ужас
Он говорит было столько счастья словами не описать
Я говорю я была уверена что не выживу
реки крови говорю горы трупов до сих пор жутко
Он говорит не вводи меня в подробности наговорю
ерунды

Больше всего я хотела чтоб кто-то вынул меня
достал меня оттуда и спас
Больше всего я хотела вообще перестать быть
это решило бы сразу же все проблемы
Больше всего я хотела позволить страху перенести
меня в безопасное место

где ты их только берешь говорит терапевт
этих хлыщей я не знаю кричит терапевт
я говорю папа а можно ты спустишь всех с лестницы
потому что дадададада мне огромно и страшно
он говорит ну конечно мой ангел хоть сотнями
можешь потом передумать еще десять раз

4

Ты слишком сильно хочешь говорит
И слишком страстно просишь говорит
Уймись не обольщайся говорит
Самой же в ослеплении твоём
Поди и страшно

Но я же слышу что земля гудит
И купол переполненный гудит
И воздух зачарованный гудит
И звоном заполняются тела
Конечно страшно

А ты сама
поди и погляди
Или глаза
закрой и не гляди
Когда волна казалась высока

Не прыгали ложились под нее
Она легко катилась через нас
Почти не тронув

Ну разве оцарапает о дно
О гущу водорослей и медуз
И новая волна не навредит
Но точно так же спутает сметет
Выталкивает к берегу и вновь
С собой потащит
Он говорит глаза не закрывай
И говорит как следует держи
И говорит дыши дыши дыши
По всяким я не знаю пустякам
Вот так и ладно

5

Он говорит хорошо ну давай поглядим
как формируешь доверие да Расскажи
Я говорю я попробую вот смотри
Я доверяю красивым больше чем страшным
чадолюбивым больше чем тем кому страшно
талантливым больше чем диким
с опытом терапии больше чем без
тем кто как правило трезв
мужчинам больше чем женщинам

если за пять минут не явили мне фанатизма
верующим больше чем атеистам
Он говорит дорогая моя проективная девочка
я поздравляю тебя молодец
ты доверяешь себе
Это прелесть и только
ты прекрасна и ты это ты
а больше никто не ты
Не странно что разочарована но не грусти
повторяй днём и ночью
гордынюшка
матушка
пусти

6

...а если это символ, то чего?
Олег Чухонцев

Окей-окей-окей я поняла
Я знаю для чего ты их прислал
Чтоб мне не показалось будто я
хоть сколько-нибудь ближе чем они

хоть сколько-нибудь дальше на пути
Мне очень больно это отдавать
но все что есть во мне не от тебя

пожалуйста пожалуйста развеи

* * *

Таня З читает и переводит на всех европейских языках
Аня Г делает букеты
Яна Ш вяжет и шьет смешные шапки со зверями
Юля З наращивает ресницы
Маша Б делает 3Д-модели, рисует, реставрирует,
дизайнер
Ира Б архитектор
Катя Б отлично снимает даже младенцев и свадьбы
Аня Е стоматолог
Соня Р наращивает ногти, арт, акрил, шеллак
Рита И делает эпиляцию (воск, сахар)
Лена П психотерапевт
Настя Е пишет иконы и любит скрапбукинг
Юля А актриса
я
любую проблему
свожу к страху смерти
и отсутствию смысла
Ты действительно именно так и задумывал?

* * *

ещё три года и всё
три года на всё про всё
на кофе и на кино
на слёзы в метро
на очарование
разочарование
на тысячу один скандал
тысячу одну любовь
на шесть циклов терапии
на пару неудач
на алым горящую
старородящая
мне тридцать семь лет
меня скоро нет
уже не успеть
старость и смерть
короткая злая жизнь
долгая долгая смерть
бесконечный список потерь
терапевт говорит дружок
ну не мучай себя теперь
лена всё будет хорошо
лена всё будет хорошо

* * *

Наконец Катя спрашивает:
ты пойдешь со мной в кино?
Я говорю: да, пойду!
А потом говорю: да ты что, оно страшное!
И Ян пишет: как ты там?
Я вернулся и у меня весна
И Лена просит указать страницу к цитате
И Алеша
Присылает подстрочник
И Сережа тихонько:
я полностью доверяю и нисколько не тороплю, но
И Оля утешает, мол, все хорошо
Из дома сегодня не выходила вовсе
И Дима тревожится
Повторить ли письмо
Из Харькова из Киева
Я говорю: повторить,
Я бесстрашная
И распавшаяся было жизнь
Налаживается

Евгения Некрасова

Евгения Некрасова родилась в 1985 году в Астраханской области, выросла в Подмосковье. Окончила сценарный факультет Московской школы нового кино. Печата-

лась в журналах «Волга», «Знамя», «Искусство кино», «Новый мир», «Урал». Лауреат премии «Лицей» для молодых писателей и поэтов за цикл прозы «Несчастливая Москва» (2017). Автор романа «Калечина-Малечина» (редакция Елены Шубиной, 2018). Живет в Москве.

Маковые братья

Treachery and violence are spears pointed at both ends; they wound those who resort to them worse than their enemies.

Emily Brontë, Wuthering Heights

Света носила очки. Не отличница вовсе, хорошистка, просто плохо видела. Она – рябая, плотная и округлая – белый кабачонок. Ей исполнилось семнадцать, а выглядела она из-за крупности на двадцать пять лет. Ходила ребёнок ребёнком. С косой, в сером шерстяном сарафане, косившем под школьную форму. В плотных серых колготках, с плотным серым налётом на пытающихся быть голубыми глазами. Над ней издевались одноклассники, но не сильно. Просто говорили два-три раза за учебный день гадости, изредка кидали снежки в спину и просто били туда кулаками. Спина у Светы – широкая, твердая, затянутая в серый корсет шерстяного сарафана. Бившим казалось, что ей не больно. Друзей у Светы не было, это её не волновало. Она что-то смотрела, что-то читала в Интернете. Так как-то вяло загружалась жизнь.

Свете ничего толком не было интересно.

Родители умеренно пили по очереди, пятнашками выталькивали друг друга на время в жизнь. Они вели малоприбыльный овощной бизнес, по вахтам папа заменял маму, мама – папу. Сами вставали за прилавок, продавцы от них часто уходили. Растили дочь как овощ – следили за удобрением – чтобы она ела, следили за общим состоянием – проверкой школьного дневника. Первым занималась мама, вторым – папа. В остальном Света вроде как ничего не чувствовала, была овощем вообще. Привыкла и правда ничего особенно не чувствовать. Родители уже определили её в какой-то глупый недорогой институт для таких же полуовощей, как она. Света существовала в полусне, в полуреальности. Наполовину. Полкабачка.

В трех кварталах от их многоэтажки в хрущевке жил Светин дедушка, инженер-пенсионер. Уже не работал. Тихо занимался ревизией всей своей жизни и навыков. Бабушка умерла пару лет назад. У дедушки осталась красная «копейка». Ещё на ходу, но он не водил из-за потеряннго зрения, но всё равно заботился о машине: счищал снег, прогревал её зимой, протирали от пыли хорошо сохранившиеся кожаные сиденья салона. «Копейка» выглядела аккуратно и скромно, как правильно стареющая учительница. У дедушки был гараж, но почему-то очень далеко, поэтому он оставлял «копейку» во дворе.

Однажды Света зашла к дедушке после школы и увидела

его красные глаза. Они бывали и раньше красными – от капель. Но сегодня эта краснота не краснела, а пылала – вокруг глаз, в ушах и на щеках дедушки. Его потемневшие от времени руки тряслись. Весь дедушка разом постарел, уменьшился в размерах и превратился в совсем старика. Он бы никогда так не поступил в иной ситуации, Свету не было принято во что-либо включать, но тут стряся особенный случай, когда эмоции вылезли из-под контроля. Ничего не объясняя словами, дедушка привел Свету во двор, на кустарную стоянку, к своей «копейке».

Эти «жигули» появились у дедушки, когда ему было уже пятьдесят три года. Ему выплатили разово большую премию на заводе за какое-то изобретение. Год дедушка стоял в очереди на покупку. Прийти и просто купить было нельзя. Света знала эту машину с младенчества. Всегда задирала голову в салоне: наверху – белая, в мелкую маковую крапинку обивка. При долгом взгляде казалось, что маковая поверхность отрывается от обивки и плавает под ней в десяти – пятнадцати сантиметрах. Это было очень красиво. Вся эта машина – один большой красный мак с черными семечками внутри – приносящий нездешнюю, южную радость. Светин дедушка никому не рассказывал, что счастливей всего он был, когда садился за руль красной «копейки» без пассажиров и бесцельно катался по округе. Сейчас Света чувствовала это отчетливо.

Над маком надругались. Красный металл на крыше, бам-

пере, капоте и дверях был исцарапан полосами и дурными словами. Покорёженные дворники тыкали в разбитое переднее окно, по которому в двух местах расходилась белая паутина. Боковое окно у водительского места и вовсе было выбито и скалилось острыми стеклянными клиньями. Красная кожа салона была полусодрана, из неё торчало мясо пожелтевшего синтепона. Вместо магнитолы зияла дыра. Дедушка иногда приходил в машину просто посидеть и послушать радио, попредставлять, как он водит. Магнитолу он обычно вытаскивал и уносил, но вчера забыл. Белую кожу с маковыми родинками на потолке тоже поцарапали и полусодрали. От «копейки» несло – в салон не раз помочились. Синтепон впитал в себя желтую жидкость, она же лужицами сидела на сохранившейся обивке. Вырванный погнутый руль валялся под кривыми креслами. Три колеса были спущены и впали, как щеки лагерника.

Света и дедушка стояли, молча смотрели на поруганную «копейку». Дедушка часто дышал ртом, пуская тонкую, как из выхлопной трубы, струю пара. Света сняла очки и положила их в карман чёрного пуховика, который обтягивал её фигуру как резиновый (она до сих пор вырастала из вещей). Может, помогло избавление от стекол – но с глаз пропала мутная серая пленка, и они оказались светло-голубыми. И видела Света теперь свободно и отчётливо.

В качестве ритуала они написали заявление в милицию. Худощавый, мельче Светы, милиционер принял заявление

молча. Света проводила дедушку домой. Они нашли в шкафу старые простыни. Света соединила их степлером. Она всегда носила его с собой. Ей нравились больше всего два предмета на свете – степлер и венчик. Правда венчик она не носила с собой. Вместе с дедушкой они прикрыли поруганную «копейку» получившейся накидкой. Дома поели щей с хрустящей полусырой капустой, которая венчала обычно поверхность супной воды. Дедушка готовил такие щи сам. В качестве ритуала позвонили маме, потом папе. Последний обещал организовать транспортировку машины в далёкий гараж.

Света шла домой среди рядов многоэтажек. Серые их камни отчего-то теперь виднелись ярче, блестели металлом. Покрашенные в желтый или розовый хрущевки вносили в глаза тропики и превращали серобокий полупоселок в карнавальный Мехико. Света шурилась от валяющихся на асфальте оберток и бутылок. Под шапкой-ушанкой стучало, кулаки самопроизвольно собирались в шары. Впервые в жизни Света чувствовала бешеную, беспредельную страсть. Внизу живота выстукивало будто второе сердце – главное сердце. Этой страстью была ненависть.

Света стала невероятно деятельной. Включились прежде отключенные функции. Она неожиданно стала хорошо учиться. Размытая память, нецепкое внимание, мутная голова прояснились и работали как исправные механизмы. Света теперь легко решала задачи по математике и физике, мо-

нотонно – но верно читала стихи по памяти на уроках литературы, дивила историчку и географичку точными датами, труднопроизносимыми именами и названиями, хорошо выстроенными причинно-следственными связями. Света не замечала своих успехов. Они не имели значения. По ночам она лежала и представляла себе, как избивает этих подростков мужского пола (а кто ещё мог сотворить такое?) ногами, а потом сдирает с них кожу точно так же, как они содрали кожу с дедушкиной «копейки».

Полугород – маленький. Все друг друга знали. Света знала, что найдёт отморозков. Первым делом она, не способная прежде выдать слово незнакомому человеку, в воскресенье обошла всех соседей, окна которых глядели на место копейкиной стоянки. На машину напали днем, многих не было дома. Так и говорили. Кто-то огрызался, особенно нестарые мужики, советовали, грозили Свете не лезть, а оставить дело взрослым мужчинам из милиции. Света и раньше видела это, но не осознавала – а теперь понимала точно, что взрослые мужчины – самые безнадёжные для деланья чего-либо люди. Всё обычно осуществлялось женщинами разного возраста, но обязательно растящими детей. Света не знала, как это объяснить, но сейчас это было неважно. Пенсионеры тоже ничего не видели или не признавались. Одна только слепая старуха-столетка с пятого этажа, годящаяся даже дедушке в матери, рассказала, что слышала тогда мат трёх невыросших людей. Столетка не ходила давно на улицу, но ей выставляли

табурет на загаженный птицами балкон, и она по часу летом и по двадцать минут зимой два раза в день кормила там голубей и воробьёв. Когда внучка столетки с опухшим от быта лицом пинала Свету за дверь, старуха проскрипела, что нужно идти к Вере из дома напротив, так как та давно уже боится телевизора и вместо него смотрит в раму окна.

Света допросила во дворе дома напротив старух моложе, засеявших сухими кореньями своих тел лавочку. Света впервые в жизни подумала, что странно, что её мёртвая теперь бабушка никогда не сидела вот так на лавочке и не общалась с ровесницами. Старухи знали Веру из третьего подъезда, но не хотели ничего говорить про неё. Явно они не любили её, таили какие-то старые обиды. Света обняла их своими чистыми голубыми глазами и объяснила, что найти Веру – вопрос жизни и смерти сейчас. И не стала добавлять, что скорее смерти для отморозков. Вдруг один из кореньев возбужденно закачал отростками и вспомнил, что Света – внучка своей бабушки, которая работала медсестрой и так хорошо, так небожно ставила уколы. Света с досадой подумала, что она почему-то совсем не использует вот этого полезного куска прошлого, забывает. Старухи-коренья зацвели все, закачались, завспоминали. Ещё через минут пятнадцать они наконец-то выдали ей адрес Веры.

Света постучалась в деревянную, цвета полусмытой хны дверь. Не открывали. Потом постучалась ещё раз и ещё раз. В ударах круглыми кулаками чувствовалась Светина злая

страсть и настойчивость. Дверь отперли. Старуха с маленькой морщинистой мордочкой, утопающей в рыжем растрепанном парике, ковыряла Свету взглядом и не впускала её в квартиру. Света сразу спросила про «копейку». Рассказала, кто она. И добавила про бабушку. Вера пососала вставную челюсть и растопырила дверь, разрешая госте зайти. Провела её в комнату. Та полезла в Светины глаза множеством мелких деталей: книг, статуэток, вязаных салфеток, вазочек. Света подумала, что, наверное, люди чувствуют себя так от наркотиков, как она от своей целеустремлённой ненависти. Напротив большого окна стояло протертое, накрытое пледом кресло. В деревянной облупившейся раме торчал полудвор, полустоянка, где жители ставили свои машины. Ровно по центру экрана, среди бликующих иномарок печалилась всё ещё не вывезенная, накрытая старыми, начинающими загнивать под дождём простынями «копейка». Света впервые осознала, что отморозки не тронули молодые машины, опасаясь, видимо, их молодых хозяев. Но тут же она решила, что дело не в этом. А в том, что молодая ненависть всегда хочет снести всё старое, особенно столь хорошо сохраненное. Света удивилась лезущим невовремя мыслям. Старая Вера в клоунском парике что-то говорила. Пришлось переспросить.

– Это было три брата, – повторила старуха.

– Откуда вы знаете? – удивилась Света.

– Я сразу вижу, я же выросла с тремя братьями, – тверже сообщила Вера, – они вели себя как братья. Один лет один-

надцати, другому пятнадцать, третьему около двадцати.

– Почему не позвонили в милицию? – Света подумала вдруг, что в её городе очень много старых людей, гораздо больше, чем виднелось на улицах, – целый дряхлеющий задверный полуофициальный мир.

Рыжепаклевая Вера посмотрела на Свету недоумённо.

– Ну раз они с Седьмого, это опасно. Я же одна живу.

– Откуда вы знаете, что они с Седьмого?

– Ну я же вижу! – ответила старуха Вера.

Седьмой участок – район в самой старой части города, почти музей, где сохранились ещё трёхэтажные послевоенные рабочие полубараки – полукаменные, полудеревянные. Считалось, что здесь теперь жили самые страшные, жестокие и нечестные люди в городе – бандиты, воры и хулиганы. От остального города Седьмой участок отделяла всего лишь ржавая заводская одноколейка. За неё никому чужому ступать не рекомендовалось. Но никто и не ходил. Незачем – всё, что нужно было для выживания – больницы, милиция, ЖЭК, соцзащита, банки, супермаркеты, школы и детсады – находилось вне границ Седьмого. Возможно, там были собственные учреждения, но этого никто не знал.

Света дождалась следующего дня. Думала не надевать сарафан, войти в джинсы. Она не любила никакие штаны, они облипали её ноги и резали пах. Но тут всё-таки дело. Вдруг надо будет бежать, карабкаться через забор. Уже влезла одной левой в штанину и поняла, что надо идти как удобней

и привычней. Прямо при отце Света взяла на кухне средней длины нож и сложила в рюкзак. Тот пил чай, сидел к ней спиной и ничего не замечал. Света двигалась в школе через толпу так важно, уверенная в собственной значимости для осуществления своей мести, что знающие и не знающие её расступались, давая ей дорогу. Будто чувствовали обострённым своим ещё утренним, ещё детским чутьём, что во внутреннем кармане рюкзака у неё острый нож. Мама специально носила точить их дедушке, у него был оселок. Света не замечала, но почти сразу после несчастья с «копейкой» её перестали обзывать и дубасить в школе. Но это было неважно. Все теперь избегали встречи со Светой даже взглядом. Он стал прямой и бесстрашный после того, как она сняла очки. Сегодня он просто жег глаза смотрящего. И учителя не вызывали Свету к доске, не спрашивали её с места – будто боялись потревожить, отвлечь от её миссии.

Света переступила одноколейку. Через небесную хмарь пролезло солнце в первый раз за месяц. Свете не нравились эти лучи. Они кололи глаза, заставляли светиться разные наземные предметы и фотошопили мир. Седьмой не выглядел страшным или опасным. Невысокие каменные дома нежно-розового цвета с деревянными башнями подъездов и балконами были гораздо милее многоэтажек или хрущевок из Светиной части города. Среди домиков толстели старые дубы. Между ними гуляли женщины с колясками. Свете всё это не нравилось. Это было неподходящее место для острого но-

жа, для сдирания кожи. Света бродила под солнцем по сухим дубовым листьям и злилась. Месть переквалифицировалась в прогулку. Необходимо было делать дело. Света вспомнила дедушкино лицо, обоссанную «копейку». Солнце выдавило ещё один луч через облако. Он упал на сальную рыжую голову в клубах дыма. Человек лет шестнадцати с очень грязной головой стоял и курил у подъезда. Света подошла к нему.

– Я ищу трёх братьев, – сказала она.

Курящий отхаркнул.

– Один одиннадцати лет, другой пятнадцати, третьему около...

– Ты от Ильина, что ли? – спросил человек и высморкался на корень дуба. Света промолчала.

– Он всегда таких задротов посылает. Жди, тут надо, б..., дело закончить.

Света послушно встала рядом с человеком под дубом. Через три минуты сальноголовому вынесли два телефона. Вот и всё дело. Переваливаясь, он отправился наискосок мимо домов и дубовых рощиц. Света поспешила за ним, коротко присела, быстро завязала шнурок, а на самом деле переложила нож из рюкзака в карман пуховика, догнала провожаемого, готовая к долгому пути, но, оказалось, они уже пришли.

Посреди очередной дубовой рощицы, в окружении кукольных трёхэтажных построек стоял деревянный стол с двумя загруженными людьми скамейками. На столе пестрели водка, кола и закуски на красно-белой скатерти. Ещё издале-

ка Света различила двух старшекласниц, одного молодого толстяка, одного человека в зеленой куртке, двоих мальчиков – совсем детей – и ещё троих разновозрастных полудетей в одинаковых черных куртках, в одинаковых позах и с равнозначно ухмыляющимися лицами. Когда Света и сальноголовый приблизились к ним, она разглядела братьев. Все были голубоглазы и коротко стрижены так, что на головах у каждого оставалась короткая жёлтая шкура. У первых двух были бабские, полногубые лица с широкими скулами. Младший мальчик – совсем ребёнок – походил на них, но двигал, жуя колбасу, маской явного вырождения. Его рот окружала черная, давно не смываемая грязь. Сальноголовый поднес старшему брату телефоны. Тот коротко посмотрел на них, потом передал Младшему брату. Света разобрала вдруг, что вместо скатерти у отморожков на столе куски копейкиной обивки – красной и белой с маковой сыпью. Света стиснула зубы и погладила в кармане кончик ножа.

– Это вот от Ильина, – сказал сальноголовый.

– И чё, б..., этому х... от меня нужно?! Вроде договорились, не? – спросил Старший брат.

Света молчала, не способная ничего выговорить от разъедающей её ненависти.

– Х..., что ли, проглотила? – спросил Средний брат.

Все заржали, в том числе мальчики-дети голосами из ржавых колокольчиков.

– Да ни х... она не от него. Вы её видали? Он чё, извращенец?! – провизжала девушка-блондинка с паучьеногими ресницами.

Снова все засмеялись. Света молчала, гладила нож и прикидывала, хватит ли ей одного удара для Старшего прежде, чем её убьют эти остальные. Жаль было оставлять их, но Старший – главный и он принял решение про нападение на красную маковую «копейку».

– Чё, б..., надо?! – снова спросил Старший.

– На экскурсию пришла? – выдавил из своего пьяного рта человек в зеленой куртке, на самом деле – самый старший из всех присутствующих, лет двадцати трёх.

Света молчала. Она осознала наконец, что не достанет так Старшего. Не ударит его достаточно сильно. Нужно было подойти ближе. Страшным, почти нечеловеческим усилием она нажала на себя изнутри, притушила ненависть и посмотрела на Старшего чудной помесью лихорадочного интереса, жалости и беспокойности. Света не знала, а это был взгляд матери. И Старший вдруг потаял.

– Пить хочешь? – спросил он.

Ей освободили место между мальчиками-детьми, прямо напротив Старшего, и налили водки. Света влезла между лавкой и столом, спокойно задирая ноги и сверкая колготочными ляжками. Блондинка и её подруга с тёмным каре прыснули. Света выпила водки, не закусывая, ничего не ощущая и всё это время не отрывая взгляда от Старшего.

– Бл..., она клеится, что ли, не пойму?! – нервно сказала блондинка.

Люди мужского пола за столом засмеялись – все, кроме Старшего. Младший покатывался громко и хрипло.

– А может, и да, тебе чего? – сказал он.

Они долго матерно препирались, как давно женатые, потом блондинка послала его, Свету и всех остальных и девушки ушли. Света не отрывала взгляд от глаз Старшего.

– Чё, трахаться хочешь? – сказал Старший брат.

Света подумала и кивнула.

– Ни х... себе! – голосом курящей взрослой женщины возторгнулся Младший.

– Ну пойдем, – спокойно сказал Старший.

Сидящие за столом снова загромыхали смехом, но сдержанно. Старший брат двинулся к подъезду. Света вылезла из-за стола и вступила за ним.

– Только, бл..., не на моей кровати! – заорал Средний.

– И не на моей, – прохрипел Младший.

Старший придержал Свете дверь. Сказал, что на второй. Света вошла в жалкий скособоченный подъезд, пахнущий сыростью и деревянной старостью. Под ногами скрипели половицы. В подъезде её многоэтажки пахло мочой и блевотиной. Здесь было лучше. Света поднималась. Старший шёл за ней, разглядывая её зад. На втором этаже зашли в квартиру, которая оказалась обычной двушкой не беднее и не богаче жилья Светиных родителей. Старший призвал Свету не бес-

покоиться: матери не было дома, а отец уехал.

Света трогала нож. Она прошла в комнату прямо в пуховике. Старший сказал, что в доме не холодно. Он закрыл шторы. Это были идеальные условия. Света принялась вытаскивать нож. Старший подошёл к ней, стянул с неё пуховик и принялся целовать пухлыми своими губами, громко дыша ей в уши. Старший раздел её дальше, разделся сам и привел её к кровати. Света успела бросить пуховик рядом. Дальше она более всего удивилась себе: что не стеснялась, не производила неуклюжих движений и не страдала от боли или отвращения. И Старший удивился кровавому подарку и пару раз серьёзно сказал, что придется жениться. Они полулежали под одеялом, под постерами с голыми женщинами. Голова Старшего находилась на Светином животе. Лоб его уткнулся в мягкие Светины складки. Её крупные, белые, с синими венами груди, дышащие как отдельные звери, сидели у него на голове. Через занавеску пролезло лезвие луча. В Свете ещё осталась ненависть. Она поглядела на широкую шею Старшего и потянула руку к валяющемуся у кровати пуховику. Но вдруг ей сделалось неизмеримо лень лезть за ножом. Она просто погладила зависшей ладонью Старшего по голове.

Когда они вышли во двор, солнце уже сбегало, но люди по-прежнему сидели за столом, покрытым кожей машины Светиноного дедушки. Ушел один из мальчиков и сальноголовый, но остальные были тут. Старшего и Свету встретили

как молодоженов – ласковым улюлюканьем. Свету усадили, накрыли ещё какой-то курткой, налили ей и вложили в ладонь бутерброд. Старший прошептал Свете, что она теперь его тёлка. Она поняла, что забыла в квартире шапку, но ей не было холодно. Младший брат и его ровесники показывали фокусы – как можно продать куклу телефона и изобразить при этом его звонок и вибрацию. Все гоготали. Света тоже улыбалась, но чувствовала, как разогнанная по всему телу ненависть тихо заново скапливается в её животе. Она гладила рукой обивку из своего детства и выдыхала изо рта сигаретный дым – Старший зажёг ей сигарету. Дубы урчали листьями от ветра. Небо белело невестиным платьем. Лево́й рукой Света потрогала лезвие. Голову хороводило от смеси табака с алкоголем. Света увидела, что дубы окружают их со всех сторон, услышала, как по-железному они зазвенели листьями. Старший нагнулся к ней, сказал, что она у него совсем запьянела. И засмеялся.

Внезапно двор накрыл хоровой мужской крик, свист и очередь матерных ругательств. Вскочил самый старый, почти двадцатитрёхлетний человек в зелёной куртке и сделал то, о чём мечтала Света последние три часа – вытащил из кармана нож. Вскочили все остальные и сделали то же самое. Только Света осталась сидеть за столом, держась левой рукой за лезвие, правой рукой за сигарету. Вокруг дрались люди: те, с которыми она сегодня проводила день – Братья и их друзья бились с какими-то пришлыми. Пришлые нападали,

братья с друзьями отбивались. Пришлых количеством было больше. Воздух напITYвался матом, стопами и потно-кровоавым запахом. То и дело в разных точках дворового пространства красными маками прыскала кровь – от удара ножа или кулака. Света крутила головой по сторонам, потом устала и просто застыла на месте, держась обеими руками за копейкину обивку и не отрывая от неё глаз. Где-то закричала немолодая женщина, та самая, которая растит или уже вырастила ребёнка. Света поняла, что всё скоро закончится, потому что в дело вмешаются взрослые женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.